

Рогова Евгения Евгеньевна

преподаватель кафедры организационной и прикладной психологии Ростовского педагогического университета (РПУ)
тел. (928) 761-63-10

Категория одиночества с позиций социальной философии

Аннотация:

В статье рассматривается социально-философский смысл одиночества. В раскрытии социальной сущности одиночества большую роль играет понятие «индивидуализация» как признание приоритета интереса индивида над коллективным или институциональным интересом. Ценность социально-философского осмысления одиночества заключается в акцентировании внимания на значимости данного феномена для человека и общества.

Ключевые слова: одиночество, отчуждение, индивидуализация, жизненный смысл, социальные процессы.

Современная социальная реальность отличается тем, что возможности человека обрести себя и свой внутренний мир сдерживаются тиранией общественного, анонимностью, безликостью отношений, пропагандой опасности одиночества. Таким образом, «современное общество похищало и похищает нас у нас самих», – считает В.А. Кувакин, аргументируя собственный гуманистический взгляд на мир и человека [1].

Большинство исследований одиночества в современной науке ограничено рамками социальной психологии и социологии. Поэтому одиночество традиционно понимается как негативное эмоциональное переживание в социальной изоляции от других людей, как социальное явление, распространяющееся с появлением мегаполисов, увеличением социальной мобильности населения, кризисом семейных отношений.

В современной научной литературе есть исследования, которые в контексте изучения других социально-философских проблем выходят на серьезный анализ одиночества.

Социальные философы, подобно социологам, рассматривают феномен одиночества через призму социальных процессов и механизмов: через политические изменения в обществе как покинутость; через аномию как следствие изменения социальной структуры; через социальную функцию личности нетипичной, «белой вороны».

Одиночество – одна из самых сложных и трудноразрешимых социальных проблем человечества на современном этапе его существования. «Если мы не можем наслаждаться обществом других людей и добиться их признания, мы обращаемся... к самим себе – в таком случае мы будем довольствоваться своим собственным обществом» [2].

Одиночество – это не только необходимое условие любого процесса мышления и, соответственно, творчества, но и тяжкий деструктивный фактор, отвергающий другое творческое начало – коммуникацию – и замыкающий индивида в тесном собственном мире.

Одиночество может проявляться в своеобразных вариантах, как отчуждение или изоляция. Нельзя смешивать эти понятия: каждый из вариантов имеет свои особенности, свои характерные черты. Например, одиночество следует отличать от физической изоляции личности. Одиночество, являющееся изоляцией, не имеет ничего общего с одиночеством, «свободно выбранным в качестве уравновешенного и спокойного образа жизни». Изоляция отличается тем, что это состояние, в рамках

которого «индивид чувствует себя заброшенным обстоятельствами и из которого он хотел бы выйти, благодаря пониманию других» [3].

Не следует забывать, что одиночество есть «субъективное внутреннее переживание», одна из самых ярких черт которого – специфическое чувство полной погруженности в самого себя. Одиночество как особая форма самовосприятия, как острая форма самосознания может проявляться как «осознание своей исключительности и неприятие тебя другими» [4].

Другая сторона одиночества – отчуждение – есть «неприобщенность к смыслу жизни, а точнее – отверженность от этого смысла» [5]. Состояние отчуждения переживается как состояние зависимости от господствующих над индивидом сил, чуждых ему, то есть как состояние несвободы.

Достаточно близким семантически по существу рассматриваемой проблемы к термину «одиночество» выступает, как ни странно, понятие «индивидуализм». Этот термин особенно помогает в раскрытии сущности одиночества, поскольку индивидуализация – это «признание приоритета интереса индивида над коллективным или институциональным интересом, а также признание блага индивида, его свободы и развития его личности в качестве высшей цели, по отношению к которой социальные институты и группы являются средством или условием ее достижения» [6].

Индивидуализация может пониматься как общественно-историческая категория, относящаяся к жизненным ситуациям и биографиям людей. В процессе индивидуализации классовые различия и семейные формы по-настоящему не упраздняются, скорее они отступают на задний план относительно вновь возникающего «центра» – проекта биографии. Одновременно возникают новые зависимости. Эти последние указывают на имманентные противоречия в процессе индивидуализации. На место традиционных связей и социальных форм (социальный класс, малая семья) встают вторичные инстанции и институты, которые налагают свой отпечаток на биографию одиночки и вопреки индивидуальному решению, реализуемому как форма сознания, делают его игрушкой моды, обстоятельств, конъюнктур и рынков. Индивидуализация – это не выбор, это судьба. Ее необходимо отличать от индивидуации, которая представляет собой становление личности, ее неповторимость и эмансипацию. Индивидуация выражается в утверждении, что для любых двух индивидов найдется разделяющий их признак.

Согласно современным представлениям, индивид выступает в качестве последнего, неделимого элемента общества. Но это оказывается предпосылкой необычайного многообразия общественных связей и структур, в которые включен или с которыми связан индивид, поскольку он выполняет в каждой из этих общественных структур различную социальную роль [7].

В современное значение понятий «общество» и «индивид» встроено их взаимное противопоставление, а также противопоставление индивида и государства. Эти два понятия – «одиночество» и «индивидуализм» – логически неотделимы друг от друга, поскольку индивидуализм не только непосредственно вытекает из одиночества, но и является одним из его истоков.

Как пишет У. Бек, «"индивидуализация" – понятие чрезвычайно многозначное, вводящее в заблуждение и даже, может быть, ложное, однако указывающее на нечто важное» [8].

Появление индивидуализации в том виде, в каком она проявляется в настоящее время, имеет крайне противоречивые формы. Она связана с типовыми общественными условиями – социальными, экономическими, правовыми и политическими, которые были созданы лишь в очень немногих странах и только на современном этапе развития. Сюда относятся общее экономическое процветание и связанная с этим занятость, расширение социальных гарантий, институционализация профсоюзного представительства интересов, экспансия образования, расширение сектора услуг и открывающиеся в связи с этим возможности передвижения, сокращение рабочего времени и т.д.

Индивидуализация на фоне набирающих силу процессов глобализации имеет значение не только для западного общества, но и получила резонанс по всему миру в тех или иных формах. С подобными явлениями столкнулось и современное российское общество. В результате демонтажа социально-политических структур в советском социальном пространстве возникли изменения социальной реальности, ценностных ориентиров. Миллионы людей, долгие годы находившиеся под патерналистской опекой государства, в новых условиях оказались не приспособленными к жизни, лишившись значимых социальных ориентиров [9].

В обобщенном смысле индивидуализация подразумевает определенные субъективно-биографические аспекты процесса цивилизации, особенно на его последней стадии – индустриализации и модернизации. Эти процессы ведут не только к образованию централизованной государственной власти, к концентрации капитала и к все более утонченному переплетению разделений труда и рыночных отношений, к мобильности и массовому потреблению, но и к тройной индивидуализации: освобождению от исторически заданных социальных норм и связей в смысле традиционных обстоятельств господства и подчинения, утрате традиционной стабильности, что с точки зрения действенного знания, веры и принятых норм как бы инвертирует смысл понятия к новому виду социальной интеграции. Эти три момента – освобождение, утрата стабильности, новая интеграция, по мнению У. Бека, образуют общую, внеисторическую модель индивидуализации [8].

Отечественный исследователь Г.Г. Дилигенский считает, что современные сдвиги в отношениях между индивидом и обществом идут в направлении большей эластичности, многосторонности, меньшей жесткости социальных связей человека и создают, следовательно, больший простор проявлению его индивидуальности [10]. Общество и социальные группы, в том числе и семья, по мере развития современного общества все менее связывают и контролируют индивида. Эта объективная тенденция означает одновременно и рост роли и свободы индивида и индивидуальности, и ослабление институциональных функций семьи, которая уже не может ограничивать и контролировать индивида, так как это было в традиционных обществах.

Такое положение обусловлено многими событиями и процессами, среди которых одним из главных является закат государства всеобщего благоденствия, которое именуется социальным, страховым, кейнсианским, провиденциальным и интервенционистским, поскольку оно активно вторгается во все сферы общества. Его демонтаж повлек за собой установление нового соотношения между ролью государства и рынка, что, в свою очередь, вызвало значительные социальные последствия [11].

Индивидуализация означает рыночную зависимость во всех аспектах образа жизни. Возникающие формы существования суть формы одиночные, сами себя не осознающие: массовый рынок и массовое потребление квартир, мебели, предметов ежедневного спроса, пропагандируемых через средства массовой информации (СМИ) общепринятых мнений, привычек, установок, стилей жизни. Иными словами, индивидуализация отдает людей во власть внешнего управления и внешней стандартизации, которые были неизвестны нишам сословных и семейных субкультур.

Именно индивидуализация означает, таким образом, институционализацию формирования биографий и жизненных ситуаций. Формирование их осуществляется большей частью «неявно», как «латентное сопутствующее последствие» решений, которые явно соотнесены с системой образования, рынком труда, работой по найму и т.д.

Наращение индивидуализации общества характеризуется двойственностью и противоречивостью. С одной стороны, имеет место рост экономической эффективности и расширение слоя высокооплачиваемых и привилегированных. С другой стороны, наблюдается резкое падение уровня жизни для непривилегированного большинства и ухудшение социально-экономического положения наименее защищенных.

Видный исследователь процессов, проходящих в современном обществе, З. Бауман нарастание индивидуализации рассматривает как отрицание форм социальности, известных в прошлом. Объективные процессы трансформируют менталитет людей, а мировоззрение человека формирует новый облик современного социума. Общество, в котором нарастают тенденции индивидуализации, характеризуется тремя главными признаками: утратой человеком контроля над большинством значимых социальных процессов; возрастающей неопределенностью и прогрессирующей незащищенностью личности перед лицом неконтролируемых ею перемен. Но самое главное – это отказ все большего количества людей от достижения перспективных целей ради получения немедленных результатов [12]. Рассмотрим более подробно обозначенные характеристики индивидуализации. Индивидуализация носит как групповой, так и индивидуальный характер.

Современные исследования со всей убедительностью показывают, что радикальный переворот в системе социальных связей человека во многом обусловлен процессами, усложняющими социально-групповую структуру общества. Большие и малые группы, основанные на социально-экономической дифференциации общества, все больше теряют свою роль в пространстве, в котором замыкаются непосредственные отношения между людьми, формируются их мотивы, представления, ценности. При этом значительно ослабевают связи в каждой из такого рода групп между ее «низовыми», первичными ячейками и личностью. Большие социальные группы и их первичные ячейки все меньше способны передавать личности свою специфическую групповую культуру. Эту культуру размывают хорошо известные процессы массовизации, усреднения, стандартизации и интернационализации типов материального и культурного потребления, источников и содержания социальной информации, образов жизни и способов проведения досуга.

Таким образом, говоря об одиночестве, мы рассматриваем его как сложное, многоуровневое явление, которое несет в себе черты определяющего актора многих важных социально-философских категорий.

С религиозной точки зрения одиночество – это момент, в который человек может, изолируясь от мира вещей, завести диалог с богом. Древние философы восхваляли одиночество как «подлинное состояние мудреца, который не позволяет увлечь себя человеческими перипетиями, но остается в стороне от них, чтобы поразмыслить о них, понять их и господствовать над ними» [3].

Так или иначе, одиночество есть комплекс как конструктивных, так и деструктивных факторов. Позитивное в этом состоянии нельзя отделить от негативного. Определяющим в состоянии одиночества может быть преобладание конструктивной стороны над деструктивной, либо наоборот.

Состояние одиночества может иметь позитивный характер. Одиночество как объективная изолированность может быть добровольным и исполненным внутреннего смысла. Чувство одиночества несет и познавательный момент, являясь «основой любого индивидуального бытия как такового» [2]. Посредством одиночества можно оценить свою «самость», определить свое место в жизни. Свою индивидуальность, свое «собственное лицо» можно увидеть, лишь абстрагируясь от «налета» чужой индивидуальности, от тех качеств, которые индивид приобретает под воздействием окружающей среды, качеств, отнюдь не свойственных ему.

Помимо всего прочего, одиночество зачастую есть естественное состояние, поскольку оно – «необходимое условие становления личности» [13].

Деструктивная сторона одиночества выражается в разладе личности, в господстве дисгармонии, в кризисе собственного «Я». Сама натура человека не может быть согласна с одиночеством или изоляцией, которые приводят к возникновению у человека ужаса «перед возможностью утратить свои границы, потерять способность различать субъективное «Я» и объективный окружающий мир» [14]. Разрыв коммуникативной цепи с внешним миром обрекает любого человека на своеобразный «информативный голод». Замыкаясь в собственном мире, личность утрачивает способность изменяться под воздействием внешних факторов, то есть окружающего

мира, социума, полагаясь лишь на внутренние изменения. Сама возможность разрыва коммуникации с окружающими приводит к страху перед одиночеством. Этот страх проистекает из того факта, что мысль об одиночестве всегда находится недалеко от мысли о смерти; смерть представляется абсолютным одиночеством.

Сопоставление со смертью делает состояние одиночества еще более пугающим и деструктивным. Чаще всего индивид становится одиноким, когда сталкивается с пограничными жизненными ситуациями (рождение, смерть, жизненные перемены, трагедия), переживаемыми в одиночку. Само возникновение состояния одиночества, а также одинокое переживание переломной ситуации, связаны с тем, что, личность, «устранив хранительные барьеры на пути к собственному «Я»... тем не менее думает, что ей будет отказано в контакте со стороны других» [15]. Страх перед возможным неприятием со стороны других приводит к неприятию других самим субъектом. Страх перед отказом в коммуникации приводит к разрыву любых отношений со стороны самого субъекта. Опасаясь остаться одиноким и пытаясь предотвратить возможное одиночество, человек чаще всего сам обрекает себя на одинокое существование.

Одиночество является понятием, жизненный смысл которого кажется доступным. Однако такая ясность обманчива, а понимание обыденно, поскольку феномен одиночества наполнен противоречивым философским содержанием, представляющим трудность для рационального анализа. Социальные процессы, призванные оптимизировать и облегчить жизнь человека, в конечном итоге, приводят к нивелированию ценности отдельной личности. Индивидуальности стираются, снижается возможность «обмена» как обогащения при общении с другими людьми. Соответственно снижается ценность самого общения, качество заменяется количеством. Это приводит к социальной изоляции, аномии, отчуждению, причинами которых являются страх одиночества и стремление избежать его любым путем.

Ценность социально-философского осмысления одиночества заключается в акцентировании внимания на значимости данного феномена для человека и общества. Опасность понимания его только как индивидуального феномена заключается в том, что при этом игнорируются ситуации и причины, при которых одиночество возникает и ощущается человеком. Тем самым не учитывается множество динамических факторов, непосредственно связанных с сущностью одиночества как явления социального.

Ссылки:

1. Кувакин В.А. *Твой ад и рай человечность и бесчеловечность в человеке.* СПб., М., 2008. С. 145.
2. Мюскович Б. *Одиночество: междисциплинарный подход // Лабиринты одиночества.* М., 2009. С. 53-68
3. Аббаньяно Н. *Мудрость жизни.* СПб., 1996. С. 121-123.
4. Садлер У., Джонсон Т. *От одиночества – к анатомии // Лабиринты одиночества.* М., 2009, С. 24-26/
5. Орлов Б.В., Эйнгорн Н.К. *Духовные ценности: проблема отчуждения.* Екатеринбург, 2003. С. 84.
6. *Словарь философских терминов.* М., 2004. С. 195.
7. Руткевич М.Н. *Общество как система. Социологические очерки.* СПб., 2001. С. 11.
8. Бек У. *Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Сидельникова и Н. Федоровой; послесл. А. Филиппова.* М., 2000.
9. Маринов М.Б. *Трансформация стратегии жизни личности в индивидуализирующемся обществе.* М., 2008. С.50.
10. Дилигенский Г.Г. *Социально-политическая психология.* М., 1994. С. 119–120.
11. Силачев Д.А. *Социальные последствия перехода от индустриализма и модерна к постиндустриализму и постмодерну // Вопросы философии.* 2005. № 7. С. 4.
12. Бауман З. *Индивидуализированное общество.* М., 2005. С. 22.

13. Перлман Д., Пепло Л. Теоретические подходы к одиночеству // Лабиринты одиночества. М., 2009. С. 155.
14. Покровский Н. Человек, одиночество, гуманизм // Лабиринты одиночества. М., 2009. С. 16.
15. Хамитов Н.В. Философия одиночества. Киев, 1995. С. 161.